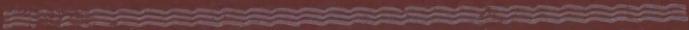

ВОПРОСЫ
ФИННО-УГОРСКОЙ
ОНОМАСТИКИ

ИЖЕВСК — 1989

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
УДМУРТСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

ВОПРОСЫ ФИННО-УГОРСКОЙ ОНОМАСТИКИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ИЖЕВСК — 1989

133961K

Утвержден к печати ученым советом Удмуртского института истории,
языка и литературы Уральского отделения АН СССР

Рецензенты:

1992 г.

кандидат филологических наук, доцент Л.И.Калинина,

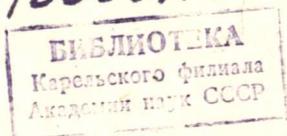
кандидат филологических наук, доцент С.В.Соколов

Ответственный редактор М.Г.Атаманов

Сборник статей посвящен малоизученному разделу уральского языкознания – ономастике. В этом труде выделяются исторические пласты, анализируются лексико-семантические группы географических названий и личных имен финно-угров.

Книга рассчитана на специалистов по уральским языкам, студентов-филологов, краеведов и всех, кто интересуется языком и историей удмуртского и других финно-угорских народов.

133961K

© Удмуртский ИИЯЛ УрО АН СССР, Ижевск, 1989.

Керт Г.М. (Петрозаводск)

ПРОБЛЕМЫ СААМСКОЙ ТОПОНИМИИ

В последнее время исследование топонимии как своеобразного пласта лексики любого языка становится все более интенсивным. Дело не только в том, что топонимия по своим семантическим, функциональным и прочим признакам является наиболее специфичной частью лексики, о чем будет подробнее сказано ниже. Выполняя назывную функцию при номинации естественных и искусственных объектов окружающего мира, и как составной его части географических реалий на поверхности земли, ономастика, и, в частности, топонимика была уже давно под пристальным вниманием или опекой таких наук как география и история. Более того, географы в наибольшей степени претендовали на вычленение науки "топонимики", естественно, всецело относящейся к их компетенции. Надо отдать им должное - их стараниями проводился сбор топонимического материала и составление словарей. Но ... пришли лингвисты и решительно потребовали вернуть себе эту отнятую незаконно область знания.

Совокупность слов составляет лексику языка. Для слова характерны две основные функции - это называть, обозначать предметы и явления действительности и обобщать, передавать понятия. Эти две функции слова взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга. Точную границу между ними провести невозможно. В зависимости от того, какая функция превалирует в слове, все слова лексического фонда языка разделяются на нарицательные и собственные. Таким образом, лексика языка разделяется на нарицательную и назывную.

Что же является общим и что разделяет эти два класса слов? Общим для того и другого класса лексики является категориальная принадлежность к тому или иному разряду лексики, по которому мы узнаем принадлежность конкретного слова к определенной части речи. И тот и другой класс лексики образует сложные слова и словосочетания. Оба класса лексики в одинаковом отношении подвержены словоизменению, вступают в идентичные словоизменительные отноше-

ния (согласование, управление, примыкание, соположение). Все эти общности предполагают единство лингвистических приемов при исследовании классов слов. Наряду с общностями между классами нарицательных и собственных имен имеются и значительные различия. Основное различие между ними заключается в семантике. Наричательные имена обладают внутренней формой слова, т.е. они имеют значение. Имея значение, они способны к обобщению. Слово обобщает класс однородных предметов и понятий. Более того, нарицательное имя может иметь несколько значений. Эти значения обусловлены, с одной стороны, экстралингвистическими факторами, т.е. наличием однородных предметов и явлений действительности. С другой стороны, значения слов выявляются в связи с сочетаемостью данного слова с другими словами в речи, т.е. внутрилингвистическими факторами. Собственные же имена не имеют внутренней формы слова, т.е. значения. Они только называют предметы и явления. Отсюда вытекает второе различие между ними – функциональное. Для собственных имен характерна назывная функция, для нарицательных – функция обобщения. К именам собственным по своей суженности семантики приближается терминологическая лексика. Антиподами этих имен по своей семантической наполненности являются абстрактные имена.

Различия, хоть и не столь заметные между нарицательными и собственными именами, проявляются и в морфологии, в частности, в словообразовании. Так, для нарицательных имен в саамском языке образование уменьшительных форм имен является живой продуктивной моделью, например: kūíí 'рыба' kuélenc 'рыбка'; ráhk 'гора' rakenç 'горушка'. Денотат в соответствующем контексте может обозначаться любой из этих форм. У собственных имен картина иная. Если географический объект выражен неуменьшительной формой имени, то это наименование относится только к этому объекту, например: duxtsuεll 'Остров залива (губы)'. Если же определяющее слово в уменьшительной форме, например: duxtençsuεll букв. 'Заливчика остров', то это будет уже совершенно другой объект.

Таким образом, перед исследователем встает проблема изучения взаимодействия между нарицательными именами и собственными. Не секрет, что класс собственных имен пополняется за счет нарицательных. Какие семантические пласты лексики переходят в разряд собственных? Каково влияние на это экстра- и внутрилингвистических факторов? Несомненно, эти и многие другие вопросы не могут не вол-

новать исследователя.

При изучении собственно саамской топонимии необходимо четко различать: 1) топонимию как живой функционально-словообразовательный процесс и 2) топонимию как субстрат в системе близкородственного или иносистемного языка. В первом случае топонимия исследуется как бы изнутри как составная, хотя и своеобразная часть лексики языка с ее фонетико-морфолого-синтаксическими моделями. Лексика имен собственных еще не потеряла связей с живой семантической плотью всего тезауруса. Она питается этой связью, хотя центробежные силы действуют со всей мощью. Во втором случае топонимия вкрапливается в ткань языка как инородное тело (в иносистемных языках) и проходит "обкатку" в соответствии с фонетико-морфолого-синтаксической системой языка и его семантическим тезаурусом. В близких родственных языках такими инородными выражениями будут элементы, отличающие дающий и заимствующий языки. По существу субстратные топонимы — это те же заимствования, но в которых отсутствует внутренняя форма слова. Если апеллятивы заимствуются с сохранившейся основной внутренней формой слова, т.е. главным значением слова, которое может в процессе словоупотребления обрести другими значениями, собственные имена этих значений не имеют. Отсюда в процессе словоупотребления они в значительной мере быстрее "стираются" и фонетически. Безусловно, и здесь возникают проблемы типологического сравнения однотипных лексем в качестве топонимов и апеллятивов, их своеобразия в первом и втором случаях.

Саамская топонимическая лексика как живая часть лексики саамского языка бытует в среде саамов фенноскандинавского массива, на территории Советского Союза (Кольский полуостров), севера Финляндии, Швеции и Норвегии. Коль скоро топонимия является частью лексики языка, то и исследоваться она должна свойственными лексикологии методами и приемами. Исследование будет проводиться на материале диалектов саамского языка Кольского полуострова. Диалекты этого региона в известной степени изучены. Имеются также сведения по топонимике. Из литературы особенно следует назвать словарь топонимов, составной частью входящий в "Словарь колтских и кольских саамов" Т.Итконена (Itkonen 1958). В 1975-76 гг. были проведены экспедиции на Кольский полуостров, во время которых по специальной программе был собран топонимический

материал в центральных и юго-западных ареалах Кольского полуострова, а также на побережье Баренцева и Белого морей. Поскольку на Кольском полуострове имеется известная пестрота этнического состава (русские, саамы, коми, финны, карелы, ненцы), это представляет некоторые трудности в принципах исследования топонимического материала.

В соответствии с традициями объектом исследования вначале будет структура топонимов.

Саамские топонимы обладают формульностью, характерной для прибалтийско-финских топонимов вообще. Вначале стоит название — определение объекта, а потом номенклатурный термин — озеро, река, гора, залив, остров, мыс и т.д., например: v^i ercvařř 'Баранья гора': v^i erc 'баран', $vařř$ 'гора'; $rašš$ vuoll 'Берестяной остров': $rašš$ 'береста', $vuoll$ 'остров'. Вместе с тем довольно часто употребляются сложные топонимы, состоящие из трех лексем: первые две образуют название объекта, третий же является номенклатурным термином, например: $kuvš$ luhtvuajj 'Ручей залива кумжи': $kuvš$ 'кумжа, семга', $luht$ 'залив', $vuajj$ 'ручей'; $kál$ jowřkušk 'Каложный порог': $kál$ 'каложный', $jowř$ 'озеро', $kušk$ 'порог, водопад'. Встречаются топонимы, состоящие из четырех лексем, например: $uś$ kiššjowřevařř 'Гора озера маленькой корзины': $uś$ 'маленький', $kušš$ 'корзина', $jowř$ 'озеро', $vařř$ 'гора'. Таким образом, топонимы в саамском языке образуются по моделям сложных слов. Требуется уточнения морфологическое оборудование в топонимах — соответствует ли оно в точности морфологии сложных слов или имеются какие-либо особенности. Особого внимания потребует выяснение фонетических процессов, т.к. в топонимах возможны отклонения по сравнению со сложными словами, ибо в них начинает выхолащиваться лексическое значение. И, конечно, самого пристального внимания требует исследование процесса десемантизации, так как мы знаем, что лексическое значение в терминах стирается. Как это происходит, начиная от микротопонимов, где, по нашему мнению, взаимодействуют лексически полновесные слова, и где начинает зарождаться процесс превращения апеллятивов в имена собственные. Промежуточную стадию представляют топонимы, в которых лексические значения еще не выветрились. И, наконец, заключительная ступень образования собственного имени-топонима, когда лексическое значение в сознании носителя языка полностью выветрилось — остался

один термин-название. Здесь внимание говорящего-слушающего обращено не на внутреннюю форму слова, его лексическое значение, а на объект, выраженный этим топонимом, его привязку к местности.

Экстраполируя данные близкородственного карельского языка, микротопонимия которого по олонецкому ареалу изучена достаточно обстоятельно, можно предполагать, что в саамском языке имеются подобные структуры, когда атрибут сложного по форме топонима выражен именем существительным в местных падежах. Однако только детальное исследование материала может подтвердить догадку. Несомненно, при исследовании структуры топонимов необходимо выяснить наличие у них специальных словообразовательных суффиксов, или суффиксов, употребляемых в топонимах предпочтительнее.

Если структура топонимов обусловлена в основном внутрилингвистическими факторами и в очень малой степени связана с экстралингвистическими, то семантика их во многом зависит от экстралингвистических факторов. К таковым относятся и окружающая среда (ландшафт с его животным миром) и хозяйственная деятельность человека, его космогонические представления и эстетические ценности. В целом можно сказать, что в семантике топонимов раскрывается историческое мировоззрение человека.

Говоря о влиянии окружающей среды на семантическую характеристику топонимов, нельзя не привести высказывания В. Таннера: "Ни один из северных разговорных языков не может дать такую точную и в то же время такую красочную терминологию понятий саамского ландшафта, как саамский язык" (Tanner 1928).

В географическом отношении Кольский полуостров являет собой конечную часть материка. И, естественно, все миграции древнейшего населения, которые шли с юга, находили свое естественное завершение здесь. Следует отметить насыщенность кольского ландшафта географическими объектами. Так, на полуострове протекает около 21 тысячи рек общей протяженностью свыше 80 тысяч километров, причем для равнинных рек характерно большое количество плесов, для горных-водопадов (перекатов). На его территории находится свыше ста тысяч озер, причем берега озер, как правило, сильно изрезаны, образуют несметное количество заливов. Более 20 % территории Кольского полуострова занято болотами, число которых составляет примерно 13 тысяч.

Богата и разнообразна флора и фауна Кольского полуострова:

свыше 2 тысяч видов различных растений, мхов и лишайников, более 220 видов птиц, 32 вида наземных млекопитающих и 22 вида рыб. Все это в известной мере формировало топонимию Кольского полуострова. Безусловно, в географической номенклатуре отразились и названия явлений природы (пурга, метель, северное сияние, ветер и т.д.).

Считается, что заселение Кольского полуострова началось в УП - УІ тысячелетии до нашей эры, а возможно, и несколько ранее. Трудно предполагать, что это были саамы, хотя они и являются первыми из известных нам этносов Кольского полуострова. Еще в XIV в. нашей эры русские источники фиксируют саамов в районе Онежского озера. Вряд ли саамы у Онежского озера и первые поселенцы Кольского полуострова - одни и те же этнические племена. Во-первых, между ними слишком большой хронологический отрезок времени; во-вторых, археологи не могут установить непрерывность в культурах древнего и современного населения. Скорее всего, первопоселенцы Кольского полуострова принадлежали к арктическим племенам, не родственным саамам или имевшим контакты с протосаамами. Во всяком случае, об этом говорит слой топонимов Кольского полуострова, не этимологизируемый ни одним из известных нам языков, например: Ромбач, Япома, Аренга и др.

Все эти факторы нашли свое отражение в топонимии Кольского полуострова. Интересной в этом отношении является исследование К. Никкуля о географических названиях области Петсамо. Все топонимы он классифицирует по семантике (мотивации): относящиеся к древним верованиям - 33; карельского, русского и "чудского" происхождения - 26; содержащие в основе личные имена - 103; указывающие на связи с рыболовством - 145 и оленеводством - 60; содержащие в основе названия животных - 147, названия растений - 64 и т.д. (Niskul 1934). Данное соотношение любопытно как срез семантической структуры саамской топонимии на определенной небольшой территории. Безусловно, он в известной мере найдет свое конкретное проявление при систематическом обследовании топонимии Кольского полуострова.

Таким образом, исследование саамской топонимии как самостоятельной и специфической части лексики саамского языка становится настоящей и насущной задачей саамского языкознания. Это тем более необходимо, т.к. нам неизвестны работы подобного рода.

Не менее сложным и трудным является исследование субстратной

саамской топонимии. Саамы - один из древнейших арктических народов. В антропологическом отношении саамы отличаются от ближайших по языку прибалтийских финнов (карелы, вепсы, эстонцы, ижора, вошь, ливы). Языковая близость саамского и прибалтийско-финских языков создает известные трудности для идентификации саамских географических названий. Поэтому необходимы четкие лингвистические критерии определения саамской топонимии. Такие критерии имеются почти на всех уровнях языковой структуры. К фонетическим различиям можно отнести следующие: 1) в отличие от прибалтийско-финских языков в саамском могут быть сочетания двух согласных в начале слова; 2) саамскому в соответствии прибалтийско-финское *h*, сравни: саамск. *suǔr* 'осина' ~ финск. *haara*; саамск. *raǔs* 'святой' ~ финск. *pyhä*; 3) в саамских диалектах отсутствует гармония гласных, в прибалтийско-финских она имеется; 4) смычный дентальный *t* в прибалтийско-финских языках превратился в щелевой *s*, ср. саамск. *tonn* 'ты' ~ финск. *sinä*; 5) первоначальное саамское *ǔ* в финском перешло в *h*: саамск. *ǔig* 'хороший' ~ финск. *huvä* и др. В области морфологии различие заключается в оформлении некоторых падежных показателей.

Наиболее ярким индикатором, характеризующим саамские субстратные топонимы, является лексика, вернее ее субстратный слой, отличающийся от соответствующих лексем прибалтийско-финских языков. К таким лексемам относятся: 1) термины природных объектов и явлений, например: *jēm̄n* 'земля', *čad̄z* 'вода', *vūntas* 'песок', *lav̄n* 'земля', 'торф', *keđk* 'камень', *ab̄r* 'дождь', *vǔdz* 'снег', *piñk* 'ветер', *lietman* 'морозка', *jon̄g* 'брусника', *saǔg* 'черника', *vuell* 'остров', *siđk* 'туман', *murr* 'дерево' и др. 2) термины, относящиеся к человеку, животным (части тела, семейные отношения, психические и физические действия, хозяйственная и иная деятельность), например: *sčvs* 'шерсть', *kuđk* 'сердце', *vuivas* 'печень', *piras* 'семья', *piñne* 'пасти', *čud̄zε* 'стадо', *sađk* 'пристань', 'село', *puđt* 'жир', *čāhp̄eš* 'черный', *kuđkeš* 'длинный', *mod̄žeš* 'красивый', и др. Поскольку заимствования в саамских диалектах из германских (скандинавских) языков в отдельных случаях проникали непосредственно, а не через прибалтийско-финские языки (вернее, прибалтийско-финско-саамского) то такие лексемы могли быть идентификаторами саамской субстратной топонимии.

Главная же проблема при исследовании саамской субстратной топонимии – это проблема адаптации саамских топонимов в чужеродной языковой среде. Уже стало общепринятым говорить о том, что саамская топонимия распространена значительно шире теперешнего местопребывания саамов. Учеными твердо установлен пласт топонимов саамского происхождения в Финляндии, Карелии, Ленинградской области. Исследования А.К.Матвеева подтвердили догадки ученых о наличии саамской топонимии на территории Архангельской области вплоть до Коми АССР (Матвеев 1969; 1976). Вполне возможно, что отдельные их вкрапления распространились еще далее на восток. Как видим, ареал распространения саамских географических названий чрезвычайно огромен. Естественно, что обширность заселения этого ареала требовала и значительных временных отрезков, если учитывать средний темп миграций кочевого населения. К сожалению, мы не можем в настоящее время определить длительность миграций. Археологическая наука еще не идентифицировала культуру саамов. Имеются гипотезы и о миграционной природе саамского населения и об его автохтонности на Крайнем Севере. Данные исторических источников, сообразуясь с данными топонимии, убедительно говорят о том, что саамы в прошлом находились значительно южнее современной территории жительствова (примерно на 80-й параллели).

Примечательной особенностью субстратной саамской топонимии является то, что она на очерченном ареале является пока еще самой древней, доступной этимологизации. Если взять зону распространения саамских субстратных географических названий, т.е. Финляндию, Карелию, Север Европейской части СССР, то она (зона) разделяется на две части. Первую составляет территория Финляндии и Карелии, вторую – Север Европейской части СССР. Эти части отличаются друг от друга не только частотностью распространения саамских названий, но и сохранностью их моделей. На территории Финляндии и Карелии (и, конечно, Кольского полуострова) зафиксированы структурные модели, характерные для саамской живой топонимии. На Севере же географические названия сохранились в основном в виде одиночных лексем. Это объясняется по нашему мнению, тем, что саамскую топонимию "поглотили" прибалтийско-финские языки, структурно и во многом лексически с ней совпадающие, т.е. прибалтийско-финские языки помогли в какой-то мере сохраниться саамской топонимии. Однако, не только этим можно объяснить луч-

шую сохранность саамских географических названий на территории Карелии и Финляндии. Хронологически эти процессы в данном регионе проходили уже в "историческое" время и зафиксированы в исторических документах. Процессы же адаптации саамской топонимии на Севере Европейской части СССР проходили значительно раньше и нам неизвестны языки-поглотители саамских географических названий на этой территории.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что на территории Карелии саамская топонимия в ее современном русском употреблении является не субстратом, а субсубстратом.

Строгость исследования требовала бы от нас изучения саамских названий на территории Карелии и Финляндии на прибалтийско-финском уровне. Однако такой возможности в настоящее время еще не представляется, т.к. в Карелии на карельском уровне топонимия собрана недостаточно. На Севере Европейской части такой подход вообще невозможен, ибо нам неизвестен ближайший поглощенный русским языком субстрат. Исключение может составлять территория Севера с коренным населением коми, ненцы. Но это дело не столь ближайшего будущего.

При исследовании проблем адаптации помимо проблем этимологии слова, разбиения его на топоформанты возникают и чисто лексикологические вопросы. Главный из них - это возможность сохранения или утраты топонимом своего внутреннего значения. Как мы уже знаем, в топониме выветривается сначала частично, а потом уже полностью внутренняя форма слова, т.е. его значение. Коль скоро заимствуются слова с выхоленной внутренней формой слова, то и принципы их адаптации иные. Если языки поглотитель и поглощаемый (термины условны и не очень красивы) находятся в близком родстве, воспринимающий язык хоть и с некоторым сопротивлением принимает семантическую структуру поглощаемого языка и переделывает ее, подчиняя своей фонетике, морфологии, семантике. Может даже случиться так, что все близкородственные топонимы, совпадающие фонетически и семантически, переделывает на собственный лад. Так случилось на небольшом "лингвистическом полигоне" в районе пос. Ена Кольского полуострова, где проживали саамы и куда потом переместились финны. Саамское название *kuvčluhtvuajj* 'Ручей семужьего залива': *kuvč* 'кумжа', *luht* 'залив', *vuajj* 'ручей' превратилось в финское *lohilahenoja* 'Ручей семужьего залива': *lohi* 'кумжа', сем-

га', lahti 'залив', oja 'ручей, канава'; саамское jamšiuval 'Мертвый остров': jam 'мертвый', šiuvald 'остров' переведено в финское в kuolusaari: kuolu 'мертвый', saari 'остров'. При таком переводе (калькировании) на территории Карелии и Финляндии могли "исчезнуть" многие саамские названия, сходные по звучанию в карельском и финском языках, да и не только сходные, как это видно из последнего примера. При адаптации близкородственных языков, с одной стороны, действовали процессы сохранения субстрата, с другой — поглощения.

Такой процесс мог проходить либо при обоюдном двуязычии двух соседствующих народов, либо, хотя бы того из них, который заимствует данный топоним.

При усвоении географических названий языков другой системы адаптационные процессы проходят по иному. Саамские топонимы в русском языке существуют в следующих модификациях: 1. Саамский звуковой комплекс полностью переходит в русский язык, приспособляясь к фонетике русского языка, например: ralgasuei 'Палгасуей': саамск. ralkas 'тропа', vuejj 'ручей'. Здесь внутренняя форма саамского слова в русском языке начисто отсутствует. Для русского этот топоним по существу является набором, комбинацией звуков, т.е. собственное имя, служащее для обозначения ручья. 2. Второй случай — это полуперевод топонима, выраженного сложным словом. Название, определение объекта звучит на саамском языке, а номенклатурный термин переводится на русский язык, например: kuzreka 'Кузрека': саамск. kuss 'ель'. 3. Переходный случай, когда существуют параллельно два названия одного объекта на русском языке, например: ракозеро и rahkjavǵ 'Пакозеро' и 'Пахкьяр': саамск. rahk 'теплый, жаркий'. В тех случаях, когда на русский язык переводятся оба компонента, топоним теряет свою национальную окраску и превращается в русский. О его прежней национальной принадлежности может говорить структура, построенная по прибалтийско-финской модели, например: Бабозеро, Кит-камень и др. Перевод-семантика также может дать представление о характере топонимии.

Саамская топонимия Крайнего Севера СССР планомерно и последовательно исследуется школой А.К.Матвеева. На значительных площадях собраны огромные материалы. В этом мощном пласте субстратной топонимии Европейского Севера четко прослеживается саамский слой. Выявлены основные фонетико-морфологические особенности субстрат-

ных топонимов. Для выявления собственно-саамского субстрата предложена интересная методика системного подхода с применением языка-эталона. Все это дает прекрасные результаты.

Вместе с тем изучение огромного массива информации подошло к критической точке, когда все очевиднее выявляются трудности, связанные с ограничением человеческих возможностей. Нужны новые подходы, а именно, применение вычислительной техники. Вычислительная техника позволит ввести в оборот неограниченно весь наличный топонимический материал и при дальнейшем сборе весь последующий.

Кроме того, она дает возможность классифицировать этот материал по различным заданным параметрам: принадлежность топонима, его формальный тип, ареал распространения и т.д. И, наконец, при таком методе исследования возможна проверка описания: информация, составляющая инвентарь, доступна.

Конечно, использование вычислительной техники не исключает, а наоборот, предполагает еще более корректное применение традиционных методов: к таким методам прежде всего нужно отнести этимологизацию, точнее идентификацию саамских топонимов, структурный анализ (выделение топоосновы и топоформанта) и адаптацию русским языком субстратных топонимов. При этимологическом анализе необходимо учитывать фонетические законы, т.е. изменения согласных саамского языка в период его самостоятельного развития после распада прибалтийско-финско-саамской общности. Необходимо также принимать во внимание заимствования в саамском языке, в частности германские. Вряд ли лексемы германского происхождения существовали в лексике саамов, находившихся на Севере Европейской части СССР.

Самые надежные свидетельства дает, конечно, субстратная лексика. Важным индикатором саамской топонимии являются вошедшие в северные русские диалекты топонимические термины арешник, кандушка, кентиче, корз (корса), кошка, лухта, няша, торок (торох), торос, чевруй и др. Русская топонимия субстратного происхождения дает большое разнообразие топоформантов: =а, =ас, =ега (=га), =ема (=ма), =ва, =нда, =ньга, =ла, =кса, =ра, =вож, =юг, =юга, =ус и др. Они — немые свидетели нивелировки в русском языке различных по своему происхождению формантов, начиная от полнозначных слов и кончая нулевым окончанием какого-либо древнего слова. Было бы, конечно, очень заманчиво найти в этих топоформантах (хотя бы в некоторых) саамскую основу. Это станет возможным только тогда,

когда мы раскроем до известной степени механизм адаптации. Проблема, которая долго еще будет актуальной для субстратной топонимии Европейского Севера СССР.

Литература

- Матвеев А.К. Происхождение основных пластов субстратной топонимии русского севера // ВЯ. - М., 1969. - № 5. - С. 42-54.
- Этимологизация субстратных топонимов и моделирование компонентов топонимических систем // ВЯ. - М., 1976. - № 3. - С. 58-73.
- Itkonen T.I. Koltan- ja kuolanlapin sanakirja. - Helsinki, 1958.
- Nickul K. Petsamon eteläosan koltankieliset paikannimet kartografiselta kannalta // Fennia, 60, 1. - 1934. - S. 1-82.
- Tanner V. Petsamon alneen paikannimiä. 1. Lappalaisia paikannimiä. - Fennia, 49, 2. - 1928. - S. 1-36.